

Киреевский Иван Васильевич

**Полное собрание сочинений
Ивана Васильевича Киреевского**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Васильевич К.**
Полное собрание сочинений Ивана Васильевича Киреевского: Том 2 / Киреевский Иван Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 349 с.

ISBN 978-5-519-89071-7

ISBN 978-5-519-89071-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Было время, когда, говоря: *словесность*, разумѣли обыкновенно изящную литературу; въ наше время изящная литература составляетъ только незначительную часть словесности. Поэтому мы должны предупредить читателей, что, желая представить современное состояніе литературы въ Европѣ, мы по необходимости должны будемъ обращать болѣе вниманія на произведенія философскія, историческія, филологическія, политико-экономическія, богословскія, и т. п., чѣмъ собственно на произведенія изящныя.

Можетъ быть, отъ самой эпохи такъ называемаго возрожденія наукъ въ Европѣ, никогда изящная литература не играла такой жалкой роли, какъ теперь, особенно въ послѣдніе годы нашего времени, — хотя, можетъ быть, никогда не писалось такъ много во всѣхъ родахъ и никогда не читалось такъ жадно все, что пишется. Еще 18-й вѣкъ былъ по преимуществу литературный; еще въ первой четверти 19-го вѣка чисто литературные интересы были одною изъ пружинъ умственнаго движенія народовъ; великіе поэты возбуждали великія сочувствія; различія литературныхъ мнѣній производили страстныя партіи; появленіе новой книги отзывалось въ умахъ, какъ общественное дѣло. Но теперь отношеніе изящной литературы къ обществу измѣнилось; изъ великихъ, всеувлекающихъ поэтовъ не осталось ни одного; при множествѣ стиховъ и, скажемъ еще, при множествѣ замѣчательныхъ талантовъ, — нѣтъ поэзіи: незамѣтно даже ея потребности; литературныя мнѣнія повторяются безъ участія; прежнее, магическое сочувствіе между авто-

ромъ и читателями прервано; изъ первой блистательной роли изящная словесность сошла на роль наперсницы другихъ героинь нашего времени; мы читаемъ много, читаемъ больше прежняго, читаемъ все, что попало; но все мимоходомъ, безъ участія, какъ чиновникъ прочитываетъ входящія и исходящія бумаги, когда онъ ихъ прочитываетъ. Читая, мы не наслаждаемся, еще меньше можемъ забыть; но только принимаемъ къ соображенію, ищемъ извлечь примѣненіе, пользу; — и тотъ живой, безкорыстный интересъ къ явленіямъ чисто-литературнымъ, та отвлеченная любовь къ прекраснымъ формамъ, то наслажденіе стройностію рѣчи, то упоительное самозабвеніе въ гармоніи стиха, какое мы испытали въ нашей молодости, — наступающее поколѣніе будетъ знать объ немъ развѣ только по преданію.

Говорятъ, что этому надобно радоваться; что литература потому замѣнилась другими интересами, что мы стали дѣльнѣе; что если прежде мы гонялись за стихомъ, за фразою, за мечтою, то теперь ищемъ существенности, науки, жизни. Не знаю, справедливо ли это; но признаюсь, мнѣ жаль прежней, непримѣняемой къ дѣлу, бесполезной литературы. Въ ней было много теплаго для души; а что грѣетъ душу, то можетъ быть не совсѣмъ лишнее и для жизни.

Въ наше время изящную словесность замѣнила словесность журнальная. И не надобно думать, что бы характеръ журнализма принадлежалъ однимъ періодическимъ изданіямъ: онъ распространяется на всѣ формы словесности, съ весьма немногими исключеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, куда ни оглянемся, всадъ мысль подчинена текущимъ обстоятельствамъ, чувство приложено къ интересамъ партіи, форма принаровлена къ требованіямъ минуты. Романъ обратился въ статистику нравовъ; — поэзія въ стихи на случай (*); — исторія, бывъ отголоскомъ прошедшаго,

(*) Уже Гёте предугадалъ это направленіе и подъ конецъ своей жизни утверждалъ, что истинная поэзія есть *поэзія на случай* (Gelegenheits-Gedicht). — Впрочемъ Гёте понималъ это по своему. Въ послѣднюю эпоху его жизни большая часть поэтическихъ случаевъ, возбуждавшихъ его вдохновеніе, были придворный балъ, почетный маскарадъ, или чей нибудь день рожденія. Судьба Наполеона и перевернутой имъ Европы одна оставила слѣды во всемъ

старается быть вмѣстѣ и зеркаломъ настоящаго, или доказательствомъ какого нибудь общественнаго убѣжденія, цитатомъ въ пользу какого нибудь современнаго воззрѣнія; — философія, при самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ вѣчныхъ истинъ, постоянно занята ихъ отношеніемъ къ текущей минутѣ; — даже произведенія богословскія на Западѣ, по большей части, порождаются какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ внѣшней жизни. По случаю одного Кёльнскаго епископа написано больше книгъ, чѣмъ по причинѣ господствующаго невѣрія, на которое такъ жалуется Западное духовенство.

Впрочемъ это общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. Хотя выгоды частныя и связаны съ дѣлами общественными, но общій интересъ къ послѣднимъ происходитъ не изъ одного этого разсчета. По большей части, это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человека срослась съ мыслию о человечествѣ. Это стремленіе любви, а не выгоды. Онъ хочетъ знать, что дѣлается въ мірѣ, въ судьбѣ ему подобныхъ, часто безъ малѣйшаго отношенія къ себѣ. Онъ хочетъ знать, что бы только участвовать мыслию въ общей жизни, сочувствовать ей изнутри своего ограниченнаго круга.

Не смотря на то, однако, кажется не безъ основанія жалуются многіе на это излишнее уваженіе къ минутѣ, на этотъ всепоглощающій интересъ къ событіямъ дня, къ внѣшней, дѣловой сторонѣ жизни. Такое направленіе, думаютъ они, не обнимаетъ жизни, но касается только ея наружной стороны, ея несущественной поверхности. Скорлупа, конечно, необходима, но только для сохраненія зерна, безъ котораго она свищъ; можетъ быть, это состояніе умовъ понятно, какъ состояніе переходное; но безсмыслица, какъ состояніе высшаго развитія. Крыльцо къ дому хорошо какъ крыльцо; но если

собраніи его твореній. Гёте былъ всеобъемлющій, величайшій и, вѣроятно, послѣдній поэтъ жизни индивидуальной, еще не сопроникнувшейся въ одно сознаніе съ жизнью общечеловѣческою.

мы расположимся на немъ жить, какъ будто оно весь домъ, тогда намъ отъ того можетъ быть и тѣсно и холодно.

Впрочемъ замѣтимъ, что вопросы собственно политическіе, правительственные, которые такъ долго волновали умы на Западѣ, теперь уже начинаютъ удаляться на второй планъ умственныхъ движеній, и хотя при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто они еще въ прежней силѣ, потому, что по прежнему еще занимаютъ большинство головъ, но это большинство уже отсталое; оно уже не составляетъ выраженія вѣка; передовые мыслители рѣшительно переступили въ другую сферу, въ область вопросовъ общественныхъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ уже не внѣшняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, въ ея дѣйствительныхъ, существенныхъ отношеніяхъ.

Излишнимъ считаю оговариваться, что подъ направленіемъ къ вопросамъ общественнымъ я разумѣю не тѣ уродливыя системы, которыя извѣстны въ мірѣ болѣе по шуму, ими произведенному, чѣмъ по смыслу своихъ недодуманныхъ ученій: эти явленія любопытны только какъ признакъ, а сами по себѣ несущественны; нѣтъ, интересъ къ вопросамъ общественнымъ, замѣняющій прежнюю, исключительно политическую заботливость, вижу я не въ томъ или другомъ явленіи, но въ цѣломъ направленіи литературы Европейской.

Умственные движенія на Западѣ совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но очевидно имѣютъ болѣе глубины и общности. Въмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго, къ человѣку, какъ онъ есть, и къ его жизни, какъ она должна быть. Дѣльное открытіе въ наукѣ уже болѣе занимаетъ умы, чѣмъ пышная рѣчь въ Камерѣ. Внѣшняя форма судопроизводства кажется менѣе важною, чѣмъ внутреннее развитіе справедливости; живой духъ народа существеннѣе его наружныхъ устроеній. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ всё, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи

общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну неособозримую задачу: усовершенствованіе человѣка и его жизненныхъ отношеній.

Но надобно признаться, что если частныя литературныя явленія имѣютъ отъ того болѣе значительности и, такъ сказать, болѣе *соку*, за то литература въ общемъ объемѣ своемъ представляетъ странный хаосъ противорѣчащихъ мнѣній, несвязанныхъ системъ, воздушныхъ разлетающихся теорій, минутныхъ, выдуманныхъ вѣрованій, и въ основаніи всего: совершенное отсутствіе всякаго убѣжденія, которое могло бы назваться не только общимъ, но хотя господствующимъ. Каждое новое усиліе мысли выражается новою системою; каждая новая система, едва рождаясь, уничтожаетъ всѣ предыдущія, и уничтожая ихъ, сама умираетъ въ минуту рожденія, такъ, что безпрестанно работая, умъ человѣческій не можетъ успокоиться ни на одномъ добытомъ результатѣ; постоянно стремится къ построенію какого-то великаго, заоблачнаго зданія, нигдѣ не находитъ опоры, чтобы утвердить хотя одинъ первый камень для нешатаящагося фундамента.

Отъ того во всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ произведеніяхъ словесности, во всѣхъ важныхъ и не важныхъ явленіяхъ мысли на Западѣ, начиная съ новѣйшей философіи Шеллинга и оканчивая давно забытою системою Сень-Симонистовъ, обыкновенно находимъ мы двѣ различныя стороны: одна почти всегда возбуждаетъ сочувствіе въ публикѣ, и часто заключаетъ въ себѣ много истиннаго, дѣльнаго и двигающаго впередъ мысль: это сторона *отрицательная*, полемическая, спроверженіе системъ и мнѣній, предшествовавшихъ излагаемому убѣжденію; другая сторона, если иногда и возбуждаетъ сочувствіе, то почти всегда ограниченное и скоро проходящее: это сторона *положительная*, то есть, именно то, что составляетъ особенность новой мысли, ея сущность, ея право на жизнь за предѣлами перваго любопытства.

Причина такой двойственности Западной мысли очевидна. Доведя до конца свое прежнее деситивъковое развитіе, новая

Европа пришла въ противорѣчіе съ Европою старою и чувствуетъ, что для начала новой жизни ей нужно новое основаніе. Основаніе жизни народной есть убѣжденіе. Не находи готоваго, соответствующаго ся требованіямъ, Западная мысль пытается создать себѣ убѣжденіе усиліемъ, изобрѣсть его, если можно, напряженіемъ мышленія, — но въ этой отчаянной работѣ, во всякомъ случаѣ любопытной и поучительной, до сихъ поръ еще каждый опытъ былъ только противорѣчіемъ другаго.

Многомысліе, разнорѣчіе кипящихъ системъ и мнѣній, при недостаткѣ одного общаго убѣжденія, не только раздробляетъ самосознаніе общества, но необходимо должно дѣйствовать и на частнаго человѣка, раздвояя каждое живое движеніе его души. Отъ того, между прочимъ, въ наше время такъ много талантовъ и нѣтъ ни одного истиннаго поэта. Ибо поэтъ создается силою внутренней мысли. Пѣзъ глубины души своей долженъ онъ вынести, кромѣ прекрасныхъ формъ, еще самую душу прекраснаго: свое живое, цѣльное воззрѣніе на міръ и человѣка. Здѣсь не помогутъ никакія искусственныя устроенія понятій, никакія разумныя теоріи. Звонкая и трепещущая мысль его должна исходить изъ самой тайны его внутренняго, такъ сказать, надсознательнаго убѣжденія, и гдѣ это святилище бытія раздроблено разнорѣчіемъ вѣрованій, или пусто ихъ отсутствіемъ, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о поэзіи, ни о какомъ могучемъ воздѣйствіи человѣка на человѣка.

Это состояніе умовъ въ Европѣ довольно новое. Оно принадлежитъ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка. Восемнадцатый вѣкъ, хотя былъ по преимуществу невѣрующій, но тѣмъ не менѣе имѣлъ свои горячія убѣжденія, свои господствующія теоріи, на которыхъ успокоивалась мысль, которыми обманывалось чувство высшей потребности человѣческаго духа. Когда же за порывомъ упоенія послѣдовало разочарованіе въ любимыхъ теоріяхъ, тогда новый человѣкъ не выдержалъ жизни безъ сердечныхъ цѣлей: господствующимъ чувствомъ его стало отчаяніе. Байронъ свидѣтельствуетъ объ этомъ переходномъ состояніи, — но чувство отчаянія, по сущности своей, только минутное. Выходя изъ него, Западное самосознаніе распалось на два противоположныя стремленія. Съ одной стороны,

мысль, не поддержанная высшими цѣлями духа, упала на службу чувственнымъ интересамъ и корыстнымъ видамъ; отсюда промышленное направленіе умовъ, которое проникло не только во внѣшнюю общественную жизнь, но и въ отвлеченную область науки, въ содержаніе и форму словесности, и даже въ самую глубину домашняго быта, въ святость семейныхъ связей, въ волшебную тайницу первыхъ юношескихъ мечтаній. Съ другой стороны, отсутствіе основныхъ началъ пробудило во многихъ сознаніе ихъ необходимости. Самый недостатокъ убѣжденій произвелъ потребность вѣры; но умы, искавшіе вѣры, не всегда умѣли согласить ея Западныхъ формъ съ настоящимъ состояніемъ Европейской науки. Отъ того нѣкоторые рѣшительно отказались отъ послѣдней и объявили непримиримую вражду между вѣрою и разумомъ; другіе же, стараясь найти ихъ соглашеніе, или насилуютъ науку, чтобы втѣснить ее въ Западные формы религіи, или хотятъ самыя формы религіи переобразовать по своей наукѣ, или, наконецъ, не находя на Западѣ формы, соотвѣтствующей ихъ умственнымъ потребностямъ, выдумываютъ себѣ новую религію безъ церкви, безъ преданія, безъ откровенія и безъ вѣры.

Границы этой статьи не позволяютъ намъ изложить въ ясной картинѣ того, что есть замѣчательнаго и особеннаго въ современныхъ явленіяхъ словесности Германіи, Англіи, Франціи и Италіи, гдѣ тоже загорается теперь новая, достойная вниманія мысль религіозно-философская. Въ послѣдующихъ нумерахъ Москвитянина надѣемся мы представить это изображеніе со всевозможнымъ безпристрастіемъ. — Теперь же въ бѣглыхъ очеркахъ постараемся обозначить въ иностранныхъ словесностяхъ только то, что онѣ представляютъ самаго рѣзко замѣчательнаго въ настоящую минуту.

Въ *Германіи* господствующее направленіе умовъ до сихъ поръ остается преимущественно философское; къ нему примыкаетъ, съ одной стороны, направленіе исторически-теологическое, которое есть слѣдствіе собственнаго, болѣе глубокаго развитія мысли философской, а съ другой, направленіе политическое, которое, кажется, по большей части надобно приписать чужому вліянію, судя по пристрастію замѣчательнѣйшихъ писателей этого рода

къ Франціи и ея словесности. Нѣкоторые изъ этихъ Нѣмцевъ патриотовъ доходятъ до того, что ставятъ Вольтера, какъ философа, выше мыслителей Германскихъ.

Новая система Шеллинга, такъ долгожданная, такъ торжественно принятая, не согласовалась, кажется, съ ожиданіями Нѣмцевъ. Его Берлинская аудиторія, гдѣ въ первый годъ его появленія съ трудомъ можно было найти мѣсто, теперь, какъ говорятъ, сдѣлалась просторною. Его способъ примиренія вѣры съ философіей не убѣдилъ до сихъ поръ ни вѣрующихъ, ни философствующихъ. Первые упрекаютъ его за излишнія права разума и за тотъ особенный смыслъ, который онъ влага-етъ въ свои понятія о самыхъ основныхъ догматахъ Христіанства. Самые близкіе друзья его видятъ въ немъ только мыслителя *на пути къ вѣрѣ*. «Я надѣюсь,—говоритъ Пеандеръ, (посвящая ему новое изданіе своей церковной исторіи)—я надѣюсь, что милосердый Богъ скоро содѣлаетъ васъ вполне нашимъ.» Философы, напротивъ того, оскорбляются тѣмъ, что онъ принимаетъ, какъ достояніе разума, догматы вѣры, не развитые изъ разума по законамъ логической необходимости. «Если бы система его была сама святая истина,—говорятъ они,—то и въ такомъ случаѣ она не могла бы быть пріобрѣтеніемъ философіи, покуда не явится собственнымъ ея произведеніемъ.»

Этотъ, по крайней мѣрѣ, наружный неуспѣхъ дѣла всемірно значительнаго, съ которымъ соединялось столько великихъ ожиданій, основанныхъ на глубочайшей потребности духа человѣческаго, смутилъ многихъ мыслителей; но вмѣстѣ былъ причиною торжества для другихъ. И тѣ и другіе забыли, кажется, что новотворческая мысль вѣковыхъ геніевъ *должна* быть въ разногласіи съ ближайшими современниками. Страстные Гегельянцы, вполне довольствуясь системою своего учителя и не видя возможности повести мысль человѣческую далѣе показанныхъ имъ границъ, почитаютъ святотатственнымъ нападеніемъ на самую истину каждое покушеніе ума развить философію выше теперешняго ея состоянія. Но, между тѣмъ, торжество ихъ при мнимой неудачѣ великаго Шеллинга, сколько можно судить изъ философскихъ брошюръ, было не совсѣмъ

основательное. Если и правда, что новая система Шеллинга въ той особенноти, въ какой она была имъ изложена, пашла мало сочувствія въ теперешней Германіи, то тѣмъ не менѣ его опроверженія прѣжнихъ философій, и преимущественно Гегелевой, имѣло глубокое и съ каждымъ днемъ болѣе увеличивающееся дѣйствіе. Конечно, справедливо и то, что мнѣнія Гегельянцевъ безпрестанно шире распространяются въ Германіи, развиваясь въ примѣненіяхъ къ искусствамъ, литературѣ и всѣмъ наукамъ (выключая еще наукъ естественныхъ); справедливо, что они сдѣлались даже почти популярными; но за то многіе изъ перво-классныхъ мыслителей уже начали сознавать недостаточность этой формы любомудрія и ясно чувствуютъ потребности новаго ученія, основаннаго на высшихъ началахъ, хотя и не ясно еще видятъ, съ какой стороны можно имъ ожидать отвѣта на эту незаглушимую стремящагося духа потребность. Такъ по законамъ вѣчнаго движенія человѣческой мысли, когда новая система начинаетъ спускаться въ низшіе слои образованнаго міра, въ то самое время передовые мыслители уже сознаютъ ея несудомствительность и смотрятъ впередъ, въ ту глубокую даль, въ голубую безпредѣльность, гдѣ открывается новый горизонтъ ихъ зоркому предчувствію.

Впрочемъ надобно замѣтить, что слово Гегельянизмъ не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ мыслей, ни съ какимъ постояннымъ направленіемъ. Гегельянцы сходятся между собой только въ методъ мышленія и еще болѣе въ способъ выраженія; но результаты ихъ методы и смыслъ выражаемаго часто совершенно противоположны. Еще при жизни Гегеля, между нимъ и Гансомъ, гениальнѣйшимъ изъ его учениковъ, было совершенное противорѣчіе въ примѣняемыхъ выводахъ философіи. Между другими Гегельянами повторяется то же разногласіе. Такъ напр., образъ мыслей Гегеля и нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей доходилъ до крайняго аристократизма; между тѣмъ какъ другіе Гегельянцы проповѣдуютъ самый отчаянный демократизмъ; были даже нѣкоторые, выводившіе изъ тѣхъ же началъ ученіе самаго фанатическаго абсолютизма. Въ религіозномъ отношеніи иные держатся протестантизма въ самомъ строгомъ, древнемъ смыслѣ этого слова, не отступая не только

отъ понятія, но даже отъ буквы ученія; другіе, напротивъ того, доходятъ до самаго нелѣпнаго безбожія. Въ отношеніи искусства, самъ Гегель началъ съ противорѣчія новѣйшему направленію, оправдывая романтическое и требуя чистоты художественныхъ родовъ; многіе Гегельянцы остались и теперь при этой теоріи, между тѣмъ какъ другіе проповѣдуютъ искусство новѣйшее въ самой крайней противоположности романтическому и при самой отчаянной неопредѣленности формъ и смѣшанности характеровъ. Такъ, колеблясь между противоположными направленіями, то аристократическая, то народная, то вѣрующая, то безбожная, — то романтическая, то ново-жизненная, — то чисто Прусская, то вдругъ Турецкая, то наконецъ Французская, — система Гегеля въ Германіи имѣла различные характеры, и не только на этихъ противоположныхъ крайностяхъ, но и на каждой ступени ихъ взаимнаго разстоянія образовала и оставила особую школу послѣдователей, которые болѣе или менѣе склоняются то на правую, то на лѣвую сторону. Потому ничто не можетъ быть несправедливѣе, какъ приписывать одному Гегельянцу мнѣніе другаго, какъ это бываетъ иногда и въ Германіи, но чаще въ другихъ литературахъ, гдѣ система Гегеля еще не довольно извѣстна. Отъ этого недоразумѣнія большая часть послѣдователей Гегеля терпитъ совершенно незаслуженныя обвиненія. Ибо естественно, что самыя рѣзкія, самыя уродливыя мысли нѣкоторыхъ изъ нихъ всего скорѣе распространяются въ удивленной публикѣ, какъ образецъ излишней смѣлости или забавной странности, и, не зная всей гибкости Гегелевой методы, многіе невольно приписываютъ всѣмъ Гегельянкамъ то, что принадлежитъ, можетъ быть, одному.

Впрочемъ, говоря о послѣдователяхъ Гегеля, необходимо отличать тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются приложеніемъ его методы къ другимъ наукамъ, отъ тѣхъ, которые продолжаютъ развивать его ученіе въ области философіи. Изъ первыхъ есть нѣкоторые писатели замѣчательные силою логическаго мышленія; изъ вторыхъ же до сихъ поръ неизвѣстно ни одного особенно гениальнаго, ни одного, который бы возвысился даже до живаго понятія философіи, проникъ бы далѣе ея вѣнскихъ формъ и сказалъ бы хотя одну свѣжую мысль,